

Антропонимическое пространство прозы Тамары Барговой

Светлана Васильевна Шеянова

Нина Валентиновна Казаева

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. Изучение поэтической антропонимии не является активной исследовательской стратегией в финно-угроведении. Вопросы семантического потенциала имени персонажа в содержательно-смысловой структуре текста оказываются на периферии научного интереса национальных ученых. В данной статье предметом специального исследования становится антропонимикон прозы Т. Барговой. Цель исследования – определить функционально-семантические особенности антропонимов и модели имянаращения в произведениях автора.

Материалы и методы. Материалом исследования являются рассказы и повесть Т. Барговой «Паз, простымак!» («Господи, прости!»). В работе использованы традиционные методы лингвистического исследования: описательный, функционально-семантический, структурный, сравнительно-исторический, а также современные подходы к изучению литературного текста – интерпретационный, гендерный.

Результаты исследования и их обсуждение. Определены модели и принципы имянаращения, структура антропонимов в рассказах и повести Т. Барговой «Господи, прости!», описаны их функции в содержательной структуре произведений, раскрыта роль в отражении реалий современной и исторической действительности, реконструкции национальной модели мира. В произведениях автора антропонимы становятся полифункциональными компонентами, выполняют текстообразующую, эмоционально-стилистическую, оценочную, информационную, концептуальную функции, передают национальный колорит. Выбор имени и формы антропонима обусловлен хронотопом произведения, авторской аксиологической концепцией, оригинальностью творческого мировидения и спецификой женского письма.

Заключение. Сделанные авторами выводы вносят вклад в развитие поэтической ономастики в финно-угорском языкознании, могут быть полезны в процессе преподавания дисциплин филологического профиля в вузе. Перспективы дальнейшего исследования проблемы связаны с изучением функциональной семантики антропонимов в произведениях других мордовских писателей.

Ключевые слова: литературная антропонимика, антропоним, модель имянаращения, семантика имени персонажа, функция антропонима, Тамара Баргова, современная мордовская проза

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00098 «Мордовская женская литература: специфика репрезентации гендерной картины мира, национально-художественное своеобразие», <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шеянова С. В., Казаева Н. В. Антропонимическое пространство прозы Тамары Барговой // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 3. С. 298–309. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.298-309>

Введение

Поэтическая ономастика, изучающая функционально-семантические особенности имен собственных в художественном тексте, выделилась в самостоятельный раздел языкознания в середине XX в. В настоящее время актуально рассмотрение ономастической лексики в антропоцентрическом плане, что вызывает интерес к семантике, структуре, функциям имен собственных

со стороны литературоведов, культурологов, социологов, историков, психологов, философов и др. Активно развивающимся кластером ономастики является поэтическая антропонимика. Антропоним в художественном тексте не только взаимосвязан с другими лексическими структурами, обогащающими его семантический контекст, но и обусловлен эстетической концепцией

автора, его творческим замыслом. Одним из компонентов семантики антропонима является его коннотативная окрашенность. «Коннотативные семы раскрывают индивидуальные отличительные признаки, качества, свойства действующего лица, посредством чего антропонимы выражают эмоциональное отношение самого автора к литературному персонажу»¹. Справедливо утверждение о том, что «каждый автор при выборе имен для своих персонажей обращает особое внимание на их фонемный и морфемный состав, который может способствовать передаче дополнительных эмоционально-экспрессивных оттенков. Он ориентируется на реальный именник, общепринятую в данной культуре формулу, с помощью которой можно передать информацию о национальном, возрастном, социальном и проч. положении героя»².

Естественно, имена в художественном тексте отличаются от реальных имен, в творческом мире писателя они получают «своеобразные художественные коннотации и, как следствие, расширяют объем семантики за счет усиления прагматического компонента» [1, с. 99], уникальную социокультурную кодировку, наполняются символической знаковостью, оценочным значением. Семантический потенциал, функциональная значимость антропонима позволяют рассматривать его «текстовым конструктом смысловой стороны произведения» [1, с. 99]. В проектах разных писателей используются различные принципы, модели имяназвания, обусловленные рядом факторов – творческим замыслом, жанрово-тематическими предпочтениями текста, авторской картиной мира, ментально-национальным мироощущением.

Определенную плотность, оригинальность и вариативность антропонимической лексики мы наблюдаем в нарративной структуре прозаических текстов эрзянского прозаика Т. Барговой. Семантический и функциональный потенциал имени персонажа в ее рассказах и повестях не исследован, между тем решение этого вопроса имеет стратегическое значение – активизирует изучение языка в финно-угроведении в аспекте знаковости, прагматической значимости.

Обзор литературы

В отечественном языкознании семантические возможности и поэтические функции антропонимов рассмотрены на материале отдельных литератур³ [2], течений или тематических направлений [3; 4], конкретных произведений⁴. Особый объект исследования составляют антропонимы в структуре фольклорных текстов [5–8], нередко антропонимы рассматриваются в общей системе ономастического пространства произведения [1; 9–11]. В настоящее время актуален этнолингвистический аспект изучения поэтической антропонимики [12], направленный на определение принадлежности художественного именника к конкретному этническому пласту, его обусловленности традиционными приоритетами этноса.

В финно-угроведении крайне мало работ по проблемам поэтической антропонимии, что обуславливает актуальность предпринятого нами исследования. Небольшое количество имеющихся статей [13–17] посвящено описанию функционально-семантических, фонетических и словообразовательных особенностей антропонимов в фольклорных и литературных текстах, определению спо-

¹ Дергилева Ж. И. Художественный антропонимикон в лингвокультурологическом представлении: на материале диалогии И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок»: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2008. С. 4.

² Полякова Н. А. Топология поэтической ономастики: на материале английской литературы: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. С. 3.

³ Карданова М. А. Стилистические функции антропонимов в современной кабардинской прозе: дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2000. 264 с.

⁴ Данилова Н. В. Семантико-функциональная структура антропонимии в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон»: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2002. 248 с.; Алиева М. М. Структурно-семантические и функциональные особенности антропонимов в художественном тексте: на материале произведений М. А. Булгакова: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2006. 170 с.; Устьянцева О. Ю. Антропонимия прозы М. А. Булгакова: на материале романов «Белая гвардия», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита»: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 165 с.

собов имянаращения персонажей в конкретных произведениях, раскрытию процесса приращения смысла и вариаций литературных имен. Художественная ипостась имени как знака, эффективного инструмента конденсации разнообразных смыслов, контекстов в творчестве Т. Барговой до настоящего времени не становилась объектом специального исследования. Изложенные в работе положения и умозаключения могут послужить базой для дальнейших дискуссий и научных изысканий в финно-угроведении в рамках поэтической ономастики.

Материалы и методы

Материалом исследования явились наиболее репрезентативные в аспекте заявленной проблемы рассказы Т. Барговой из сборника «Вечкемань усият» («Берега любви»)⁵ и повесть «Паз, простямак!» («Господи, прости!») из одноименного сборника⁶. Научная оценка произведений писателя основывается на том, что антропонимическая лексика в них выступает текстообразующим компонентом, приемом стилистического оформления, концептуально значимым элементом содержательной структуры текста, посредством которого имплицитно авторское отношение к персонажу, раскрывается его психологическое состояние, нравственно-этический потенциал, обладает оценочным ресурсом, вызывает разнообразные ассоциации, формирует коннотативный фон. Относительно прозы Т. Барговой нельзя говорить о едином принципе выбора имен персонажей, в частности в историческом произведении она ассимилирует в нарратив сохранившиеся варианты имен, фамилий без изменений, в женских рассказах имянаращение обусловлено авторским мироощущением, особенностями женского менталитета. Автор не использует «говорящие», прямо характеризующие (соответствие имени характеру) имена, обращается к антонимизации вариаций одного имени.

Методологической основой при подготовке статьи стали теоретические положения литературной ономастики, в частности поэтической антропонимики. В работе ис-

пользованы традиционные методы лингвистического исследования: описательный, функционально-семантический, структурный, сравнительно-исторический, а также современные подходы к изучению художественного текста – интерпретационный, гендерный.

Результаты исследования и их обсуждение

В мордовском художественном дискурсе рубежа XX–XXI вв. заметное место занимает творчество Т. Барговой, писателя с оригинальным творческим мировидением, специфическим инструментарием воссоздания реалий исторической и современной действительности, своеобразной методикой изображения персонажа. Особой структурно-семантической единицей в ее прозе становится антропонимическая лексика, которая вобрала в себя фонетические, грамматические, орфоэпические особенности эрзянского языка. Антропонимическое пространство прозы Т. Барговой представлено разнообразными моделями имянаращения, антропонимы получают структурообразующую, эмоционально-стилистическую, аксиологическую, информационную, концептуальную нагрузку. В повести «Господи, прости!» в монтажной форме представлена история села Андреевка, описаны судьбы его жителей, большинство из которых оказались жертвами раскулачивания, репрессий 1930-х гг. Прием стяжения времен позволяет автору соединить картины прошлого и настоящего, таким образом с современных аксиологических позиций он пытается проследить последствия необдуманных политических решений, идеологических манифестаций. Стилистической особенностью повести следует считать большое количество антропонимов, которые становятся текстообразующими элементами. В структуре исторического произведения антропонимические единицы не только способствуют оформлению эмоционального фона текста, но и, как отмечают исследователи, «создают хронотоп, ориентирующий читателя во времени и пространстве, в определенной социокультурной

⁵ Баргова Т. Вечкемань усият (Берега любви). Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1997. 160 с.

⁶ Баргова Т. Паз, простямак! (Господи, прости!). Саранск, 2009. 241 с.

среде» [18, с. 335]. В повести «Господи, прости!» имена способствуют отражению реалий, атмосферы 1930-х гг., несут информационную нагрузку. Т. Баргова использует разнообразные модели имяназвания: «личное имя» (*Анашке, Аляка, Проске, Насько, Петра, Сёко, Дуня, Тихоня, Агашка, Дарё, Катирия*), «фамилия» (*Невский, Мамаев, Данилов, Солтаганов, Наумов*), «личное имя + фамилия» (*Иван Самойлов*), «личное имя + отчество» (*Ефим Иванович, Сергей Филиппович, Матвей Иванович, Виктор Николаевич*), «фамилия + личное имя + отчество» (*Подгорский Константин Романович*), «отчество» (*Филипыч, Василевна, Мироныч*), «уличная фамилия» (*Пикурунь, Гарат, Агеинкат, Яикот, Виськонь, Петрань*), «уличная фамилия + личное имя» (*Бильянь Филипка, Горинкань Бори, Панжжай Миколь, Ванюкунь Петя, Крандань Лена, Панжжай Просо, Трошункань Пашка, Поней Яшка, Сезьган Васька, Петрань Насько*). Подобная номинация призвана отразить локализацию персонажей (сельских жителей), особенности национальной картины мира, традиционный крестьянский уклад жизни, при этом создавая уникальный колорит антропонимического домена в произведениях Т. Барговой.

В структурном плане номинация лиц в повести представлена однокомпонентными (*Дарё, Аляка, Наумов, Мироныч, Гарат*), двухкомпонентными (*Горинкань Бори, Панжжай Просо, Сезьган Васька, Матвей Иванович*) и трехкомпонентными (*Подгорский Константин Романович*) моделями, среди которых доминируют одночленные и двучленные именованья.

Автор использует русские имена (как женские, так и мужские), прочно вошедшие в мордовский антропонимикон в полной/неполной форме или претерпевшие фонетические, фонетико-морфологические изменения в результате адаптации к эрзянским языковым нормам: *Насько* (< Настя < Анастасия), *Катирия* (< Катерина < Екатерина), *Сёко* < Фёкла), *Проске* (< Прасковья), *Агашка* (< Агафья), *Гришо* (< Гриша < Григорий) и др. К наиболее частым изменениям, как видим, относятся выпадение гласных и согласных звуков в начале, середине или в конце антропонима, укорочение имени, замена

звуков, вставка гласного звука в конце имени (*Микаила, Петра*). В повести наблюдаем функционирование достаточно большого количества личных имен с открытым слогом в анлауте, образованных посредством суффикса -о (*Яшко, Насько, Сёко, Гришо, Просо*), что относится к особенностям имяназвания в говорах определенных населенных пунктов. Подобная номинация в содержательном аспекте текста призвана отразить региональный и национальный колорит, знаковую специфику эрзянской речи. Нередко антропонимы образованы посредством суффиксов с открытой экспрессивной оценкой (*Агашка, Анка, Тихоня, Нинка, Манька, Анашке, Нинуля* и др.), таким образом формируя в сознании читателя разнообразные коннотативные смыслы.

Фамилией в повести «Господи, прости!» инициализируются те персонажи, которые не являются сюжетообразующими, способствуют воссозданию исторического контекста, масштабности и реалистичности повествования. К примеру, *Мамаев*, председатель Игнатовского волисполкома, который в 1930-е гг. возглавил борьбу против зажиточных крестьян, служителей церкви, упоминается единожды; рассказывающий сельчанам о дезертирах милиционер *Солтаганов* также не является активным действующим лицом, однако он способствует воссозданию атмосферы военного времени.

Отметим, что основную часть фамилий в повести составляют антропонимы с русскими суффиксами -ов (*Солтаганов, Данилов*) и -ев (*Мамаев*), реже встречаются фамилии на -ский (*Подгорский, Невский*); также выявлено несколько фамилий с мордовским суффиксом -кин (*Святкин, Калеткин*).

Инициализация «фамилия + личное имя + отчество» встречается в повести редко, что объясняется пространственным хронотопом текста, особенностью коммуникации сельских жителей. Автору важно сохранить вариант имени и таким образом реанимировать исторический контекст, передать информацию о нем современному читателю. Посредством Подгорского Константина Романовича, сельского священника, отца одиннадцати детей, которого насмерть забила разъяренная толпа крестьян, в повести реализуется информационная функция,

обрастающая эмоционально-оценочной нагрузкой – трагическая судьба священника вызывает глубокую рефлексию читателя, размышления о ценности человеческой жизни, антигуманизме политических решений эпохи: «Ютавтызь сонзэ велева, ды ки лангонь перть нарьгасть лангсонзо. Кие ертнесь кевсэ, кие вачкодиллизе каряз ланга, кие сельгенесь ёнонзо»⁷ («Провели его по селу, и все время издевались над ним. Кто кидал камни, кто ударил по пояснице, кто плюнул в его сторону» – перевод здесь и далее подстрочный наш. – *Авт.*). Немногие прихожане пожалели священника, хотя он был внимателен к нуждам людей, помогал им советом («седеймарицяль, бажась велень народонтэ превс путомо»⁸). В данном случае такая формула именования отражает социальный статус лица, позволяет передать связанные с ним положительные коннотации, авторское уважительное отношение к нему.

Значительное место в антропонимиконе повести «Господи, прости!» занимают уличные фамилии или родовые имена (семейно-родовые прозвища), и в настоящее время активно используемые в мордовских селах в бытовом общении. Уличные фамилии в произведении представлены двумя формами: *Пикурунь* или *Пикурт*, *Гарань* или *Гарат*, *Яшконь* или *Яшкот*, *Агеинкань* или *Агеинкат*, где *-нь* в именах – суффикс посесивности, а *-т* – показатель множественного числа, выражающий в данном случае собирательность. Мордовский суффикс *-инка* в уличных фамилиях также имеет собирательное значение и служит для обозначения рода человека, указанного в основе.

Чаще всего источником уличных фамилий выступает имя предка, основателя рода, главы семьи или хозяина двора. Также они могут быть образованы от прозвища, данного человеку по особенностям его характера, занятиям, внешним признакам и др. Однако установить мотивационные признаки появления родового прозвища, выяснить этимологию основы имени достаточно сложно. Уличные фамилии, хранящие в себе ценную историческую, культурную и лингвистическую информацию, являются элементами,

обеспечивающими тексту «устойчивое национальное звучание, которое служит этнооберегающим целям» [9, с. 108].

Наиболее частотной в повести Т. Барговой является формула именования «уличная фамилия + имя», что обусловлено контекстом изображаемой эпохи, провинциальным хронотопом, стремлением автора передать колорит национальный жизни, специфику коммуникации между сельскими жителями. По данной формуле образуются индивидуальные прозвища, основой которых нередко выступают уличные фамилии с прибавлением к ним трансформированных личных имен (*Гарань Миши*, *Панжай Просо*, *Билян Серё*). Упоминаемые в тексте прозвища персонажей аутентичны, уникальны, реалистичны. Генезис таких имен определить достаточно сложно. Их значение возможно раскрыть лишь в случаях с открытой семантикой антропонима (*Ванюкунь Петя*, *Петрань Насько*), в ряде случаев можно выявить их символическую наполненность. К примеру, персонаж с орнитоморфным именем *Сезьган Васька* (Сорока Васька) отличается задиристостью («набойтнестэ набой»), желанием выделиться из толпы. Он проявил себя во время разрушения местной церкви, «стремился показать себя самым ярким ее противником» («снартсь невтемс прынзо церьковань каршо весемедэ покш бороцицякс»⁹) – первым полез на крышу и скинул крест. В народных представлениях сорока наделяется не только положительной коннотацией (предвещает весну, приход тепла), но и зловещей символикой, связанной с предсказанием несчастья. Характер *Сезьган Васьки* соответствует такой интерпретации символа – он несет разрушение не только материального, но и духовного начала. Т. Баргова «раскодировывает» ряд уличных фамилий. К примеру, «Билян Филипканень, – как пишет автор, – лемесь педясь эйкашпингестэ. Кодаяк тензэ а ёвтавиль Филипка лемезэ. Кевкстьсызь: “Кода леметь?”. “Биля”, – виздэзь мери церыньсь. Истяк кадовськак. Лиякськак толковить кудо леметь. Кезэрень шкатнестэ, зярдэ минек модатнень лангс каякшность ве ендэ сы-

⁷ Баргова Т. Паз, простымак! С. 7.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ Там же. С. 38.

цят, ульнесь сетнень ютксо раське, кинень эрзятне мерильть “билярт”. Тосто молияк, келя, кудо лемесь. Билярт улить аволь ансяк Андрейвелесэ, шабра велетневаяк»¹⁰ («Били Филипке имя прицепилось в детстве. Никак не мог выговорить свое имя Филипка. Спросят: “Как зовут?”. “Биля”, – стесняясь отвечает мальчик. Так и повелось. Но и по-другому объясняют происхождение уличной фамилии. В древние времена, когда на наши земли совершались набеги со стороны других племен, были среди них такие, кого эрзяне называли “билярами”. Оттуда и появилась уличная фамилия. Били встречаются не только в Андреевке, но и в соседних селах»). В данном случае антропоним расширяет информационный контекст произведения, привносит в текст историко-национальный колорит, позволяет отразить авторскую концепцию истории.

В рассказах Т. Барговой мы также находим интересные формулы и принципы именования персонажей, антропоним наделяется в них концептуальной, текстообразующей, аксиологической нагрузкой. По утверждению исследователей, «смена имени или параллельное существование нескольких имен свидетельствует об изменении статуса персонажа. <...> Они маркируют разные его ипостаси, разные грани личности, поскольку за каждым именем стоит определенный стиль, уклад жизни, взгляд на окружающих»¹¹. Это умозаключение подтверждается рассказом Т. Барговой «Вечкемань усият» («Острова любви»), в котором автор посредством двуименности героини реализует тему двойничества. Главная героиня – деревенская девушка Валентина (от лат. «сильная», «здоровая») со стойким, решительным, несколько самоуверенным характером. Она привыкла обходиться без поддержки родителей и супруга. «Эрва чинть, эрва теветь, сень лангс апак вано, паро эли берянь, сон ловсь эсензэ изнявксокс»¹² («Каждый день, каждое дело, несмотря на то, хорошее оно или плохое, считала своей победой»). После развода женщина решила изменить не только свою жизнь, но и имя,

которое воспринимается ею как неотъемлемый атрибут мироощущения. Став Тиной, она начинает вести потребительский образ жизни – посещает рестораны, знакомится с состоятельными мужчинами, живет за их счет, в отношениях ищет материальную выгоду. Смена имени становится первым ее шагом к душевной деградации, отречению от моральных заповедей, разрушению нравственного стержня, личностного начала. Писатель имплицитно постулирует обусловленность судьбы героини ее именем. В авторской концепции между именем и судьбой существуют мистические, необъяснимые связи, имя программирует сюжет жизни. Усечением полного имени Валентина словно сократила себе жизнь – молодая женщина разбилась в автокатастрофе с любовником. Прием двуименности героини играет важную роль в развитии сюжета произведения, его хронологической структуры, отражении авторской концепции личности, наделяется аксиологическим ресурсом.

В рассказе «Серма» («Письмо») в процессе имятворчества Т. Баргова опирается на принцип, при котором семантико-характерологические связи между именем и его носителем не устанавливаются. В данном случае интересно то, что для именования главной героини автор осознанно выбирает семантически не маркированную фамилию Салтыкова без упоминания имени. Информационная модель имени персонажа вступает в явное противоречие с ее внешностью («ростом невысокая, идет, нагибаясь вперед», «лицо какое-то темное, волосы короткие, спереди спадают на глаза, губы выцветшие», «вены на руках вздувшиеся, ногти грязные, кончики пальцев коричневые», «одета в дешевые дырявые трико с вытянутыми коленками», «на ногах кроссовки, грязные, развалившиеся»), которая более соотносилась бы с презрительно-ироничной формой имени. На наш взгляд, одночленная структура именования (фамилия без упоминания имени) призвана акцентировать внимание на судьбе и личности одинокой женщины-маргинала, пагубности ее образа жизни,

¹⁰ Баргова Т. Паз, простымак! С. 5.

¹¹ Виноградова Н. В. Имя персонажа в художественном тексте: функционально-семантическая типология : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2001. С. 97–98.

¹² Баргова Т. Вечкемань усият. Саранск, 1997. С. 52.

асоциальности поведения. Без имени Салтыкова «обходится» всю жизнь – ни комендант общежития, в котором жила женщина, ни соседи не знали, как ее зовут. Несмотря на определенную дистанцированность, критичность автора, он все же дает надежду на духовное возрождение, нравственное очищение женщины, что символически обобщается в образе комнатных цветов, о которых она просит позаботиться в своем письме: «Валнодо монь цецятнень...»¹³ («Поливайте мои цветы...»).

По утверждению исследователей, «эмоционально-стилистическая функция имен собственных выражается, как правило, на уровне фонетики и реализуется через словообразовательную форму или с помощью разных видов несоответствий (имени и фамилии, имени и образа и т. д.)» [20, с. 142]. Такая функция антропонима реализована в рассказе Т. Барговой «Уцяска» («Счастье»), в котором имя персонажа не соответствует его внутренней сущности. Мария – библейское имя, соотносящееся с добром, чистотой, вызывающее ассоциации с непреходящими ценностями (жертвенностью, долгом, верностью). Однако главный персонаж Т. Барговой по имени Мария Филипповна вызывает отрицательные эмоции. Автор в антонимическом ракурсе сопоставляет вариант имени с уважительной коннотацией Мария Филипповна и разговорную, уничижительную форму Манька, при этом имятворческая модель «имя + отчество» становится сатирическим средством оценки нравственно-этического потенциала персонажа. Читатель узнает, что в родной деревне Марию все звали Манькой, однако она решила, что это имя ей не подходит и настояла на том, чтобы окружающие обращались к ней по имени и отчеству: «Чачома велесэ тензэ мерильть Манька. Ансяк, зярдэ лиссь мирденень, мерсь од раськенстэнь, келя, Манькатне базарсо чипанят микшнить. ...Ней бути авазо пшкадиль тензэ икеле ладсо. Мария Филипповна аноколь сонзэ кардамс. Эзь тукшно тензэ те лемесь, эзь ладя обуцязонзо. Кодамо

Манька?! Мария Филипповна!»¹⁴ («В родном селе ее звали Манька. Но когда вышла замуж, сказала новой родне, что Маньки на базаре семечки продают. ...Теперь если только мать обращалась к ней так. Мария Филипповна готова была прервать ее. Не нравилось ей это имя, не подходило к характеру. Какая Манька?! Мария Филипповна!»). В данном случае вариативность имени маркирует не только социальный статус героини, но и ее нравственную сущность. В процессе монтажного раскрытия жизненного пути женщины автор словно ищет ответ на вопрос: помогло ли ей имя завоевать уважение окружающих, оправдала ли она его своими действиями и поступками? Для Марии Филипповны большое значение имеет материальная составляющая, она строит карьеру, игнорируя традиционные этические нормы, посредством поддержки любовников получает квартиру, образование, становится депутатом. В итоге женщина попирает не только нравственные, но и гражданские законы – оказывается обвиняемой по уголовному делу. Посредством антонимизации форм имени Манька / Мария Филипповна автор раскрывает процесс нивелирования духовных основ, моральных принципов. Героиня по характеру хищница, разрушительница, ей больше соответствует имя Манька, нежели Мария Филипповна.

Исследователи отмечают, что «литературные антропонимы являются одним из важнейших внутренних лингвистических средств текстообразования и “ключом” в интерпретации художественных текстов» [21, с. 247]. В рассказе Т. Барговой «Вень кортамот»¹⁵ («Ночные разговоры») антропоним становится сюжетообразующим компонентом. Имена персонажей (Лена, ее муж Вадим и некий Юрий) с закрытой семантической структурой не являются характерологическими, однако посредством используемого автором «метода многократного повтора антропонимов» [21, с. 248] они получают роль «текстовой скрепы» (термин И. Б. Вороновой), иными словами, служат средством формальной и содержательной

¹³ Баргова Т. Вечкемань усият. С. 80.

¹⁴ Там же. С. 90.

¹⁵ Там же. С. 10.

связности текста. Можно сказать, что имя – это единственный источник информации о героях, поскольку сфера их деятельности и коммуникации остается вне нарратива, который не отличается событийностью и динамичностью. На протяжении многих лет Лена терпит измены Вадима. Ей кажется, что она уже привыкла к ним, а муж давно перестал оправдываться. Лена – типичная жертва семейных отношений, психологически подавленная женщина, неспособная развестись с неверным мужем, построить другие отношения. Неожиданно в ее жизни появляется «телефонный» мужчина Юрий, который возродил в ней женскую натуру, давно забытые эмоции. Автор использует общеупотребительные в современный период имена без фамилий, отчества, что усиливает типичность описываемой ситуации.

В рассказах Т. Барговой реализуется принцип художественной правды, что обуславливает воспроизведение в текстах о современности общеупотребительных в настоящее время имен, но вместе с тем мы обнаружили и архаичные имена. Следует сказать, что обращение к такой структуре имен традиционно в мордовской прозе, о чем свидетельствуют произведения А. Доронина (*Эмель*), А. Брыжинского (*Перфил*, *Варлам*, *Серафим*, *Марфа*), В. Мишаниной (*Куля*, *Микитаря*) и др. Модель номинации «личное имя + апеллятив» (*Панкра атя*, *Марко баба* из рассказа «Меельце ки» / «Последний путь», *Палё баба* – «Чаво зрямо» / «Пустая жизнь», *Паша лелясь* – «Паз, простямак!» / «Господи, прости!») указывает на социальный статус, возраст, место проживания персонажей. Таким образом, апеллятив становится дополнительной характеристикой героев, несет положительный аксиологический заряд («баба», «атя», «леля» имеют семантику родства), усиливает эмоционально-экспрессивную нагрузку имени, вызывает у читателя глубокую рефлексию. В рассказе «Последний путь» автор именуется только представителей старшего поколения – деда Панкрата, его жену бабу Марко, таким образом выражая особое уважение и трепетное отношение к ним и пожилым

людям в целом. Эти герои призваны отразить преемственность поколений, которая в семантической структуре рассказа осмысливается жизнеутверждающей ипостасью. Характер, судьба Панкрата соотносятся с его именем (от древнегреч. «всесильный»), не наделенным открытой семантикой, в силу этого вызывающим различные смысловые интерпретации. На наш взгляд, выбор имени персонажа обусловлен не столько его семантикой, сколько архаизированной формой – автор акцентирует внимание на долгом, сложном жизненном пути героя. Панкрат «участник трех войн, несколько раз был ранен – все тело исколото, нет половины бедра. Трех детей он оставил, когда добровольцем ушел на фронт. После войны родились еще трое. Жилы вытянул: семью растил» («колмо войнань тол пачк ютась, зярыяксть раянзель – весе рунгозо пельнезь, пель пукшозо арась. Колмо эйкакшт сон каднось войнав доброволецэкс туемстэнзэ. Войнадо мейле чачьсть оштё колмо эйкакшт. Сантнэнь таргась: семия трась-кастась»¹⁶).

Для создания национального колорита, передачи ментальных особенностей эрзян, своеобразия их мировосприятия в качестве номинации персонажей в рассказах Т. Барговой используются, обусловленные национальной речевой нормой, варианты имен и отчества: *Наталь*, *Лизо* («Урьякстома» / «Женитьба»), *Василевна*, *Миرونч*, *Наста*, *Анка* («Чачома велесэ» / «В родном селе»), *Митрич*, *Дашо* («Раужо килей» / «Черная береза»), *Мико* («Мико-богатырь»), *Мата* («Чапаня Мата»).

Заключение

Высказанные в работе рассуждения подводят к выводу о том, что в произведениях Тамары Барговой антропонимы являются важным компонентом поэтики текста, элементом идиостиля автора, средством отражения его мироощущения, женского взгляда на проблемы исторической и современной действительности. Антропонимические единицы полифункциональны, они выполняют текстообразующую, концептуальную, стилистическую (информационно-

¹⁶ Баргова Т. Вечкемань усият. С. 10.

стилистическую, эмоционально-стилистическую), оценочную, символическую нагрузку, наделяются разнообразными коннотациями, отражают национальный колорит.

В антропонимическом пространстве произведений Т. Барговой представлены различные модели именования персонажей, среди которых доминируют уличные фамилии (семейно-родовые имена) и индивидуальные прозвища как яркий факт проявления живой эрзянской речи.

Процесс имятворчества в ее текстах опирается на несколько принципов: принцип художественной правды (в основном используются общеупотребительные имена, авторских антропонимов мы не обнаружили), передача имени в его особом фонетическом звучании в историческом тексте с целью сохранения исторической информации, осмысленный выбор имени

в произведениях о настоящем, женских рассказах, принципы двуименности персонажа и антонимичности антропонима призваны реализовать проблему духовной деградации современного человека. Прозаик отказывается от использования «говорящих», семантически маркированных имен, поэтому в текстах доминируют ситуации несоответствия имени и образа. Архаичные имена и претерпевшие фонетические изменения, трансформированные и адаптированные к нормам эрзянского языка варианты имен не вступают в противоречие с реальностью, способствуют воссозданию пространственного хронотопа текста, обрисовке национального образа мира.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы видятся нам в изучении функциональной семантики антропонимической лексики в творчестве других национальных писателей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сидорович З. З., Букач А. В. Ономастическое пространство в трилогии Анны Берсеновой «Подруги с Малой Бронной» // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 96–103. URL: <https://journals.psu.by/humanities/article/view/768> (дата обращения: 23.03.2024).
2. Фомин Э. В., Иванова А. М. Личные имена в контексте чувашской литературы: опыт лингвистического анализа // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2018. № 4 (100). С. 105–110. EDN: YTSOSD
3. Гаврилова И. Д., Каримуллина Р. Н. Особенности употребления онимов в произведениях русских писателей-фантастов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 8. С. 125–128. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.22>
4. Бут-Гусаим С. Ф. Антропонимикон исторической прозы белорусских писателей // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (55). С. 141–146. URL: <https://clck.ru/3DBAYs> (дата обращения: 02.03.2024).
5. Варламов А. Н. Шаманский антропонимикон в сюжетах эвенкийского фольклора и исторических документах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 11. С. 3515–3520. <https://doi.org/10.30853/phil20220595>
6. Кульсарина Г. Г. Этнокультурные особенности антропонимов в башкирском фольклоре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (70). Ч. 1. С. 124–126. URL: <https://philology-journal.ru/article/phil20170736/fulltext> (дата обращения: 25.03.2024).
7. Терешенко А. В. Структурные модели фольклорных и исторических антропонимов: на материале русских народных сказок и архивных документов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 7 (172). С. 101–106. URL: <https://clck.ru/3ByJFW> (дата обращения: 14.03.2024).
8. Тихомирова И. В. Функционирование ономастической лексики в фольклорных текстах (на материале сборника «Сказки и предания Северного края в записях И. В. Карнауховой») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 6 (2). С. 237–240. EDN: SSSYJVT
9. Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Народно-поэтическая ономастика в аспекте фольклорной лексикографии // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18, № 1. С. 85–112. URL: <https://clck.ru/3CVRoH> (дата обращения: 18.03.2024).

¹⁷ Баргова Т. Вечкемань усяят. С. 87.

10. Бут-Гусаим С. Ф., Потапчук И. В. Прагматическая значимость личных имён собственных в контексте исторической прозы Генриха Далидовича // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (43). С. 248–255. URL: <https://clck.ru/3VugYA> (дата обращения: 18.03.2024).
11. Ишегулова А. М. Ономастикон художественной прозы Яныбая Хамматова // Вестник Марийского государственного университета. 2023. Т. 17, № 1. С. 55–60. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-1-55-60>
12. Волкова К. Р. Антропонимы в художественных текстах Н. А. Дуровой: этнолингвистический аспект // Известия ВГПУ. 2011. № 10. С. 63–67. URL: <https://clck.ru/3Vuuyk> (дата обращения: 10.03.2024).
13. Гурьянова Л. А. Отражение национального мордовского колорита личных имен в произведениях А. М. Доронина // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. Т. 24, № 4. С. 171–175. EDN: PNPADN
14. Дёмин В. И., Шеянова С. В. Поэтика имени в современном мордовском романе // Финно-угорский мир. 2014. № 2. С. 35–39. EDN: SZUFBP
15. Дядюн С. Д. Антропонимия хантыйских сказок // Вестник угроведения. 2015. № 4. С. 33–38. URL: <https://clck.ru/3VuxpC> (дата обращения: 12.03.2024).
16. Исакова С. А. Поэтика имени в прозе Е. Айпина (на материале книги «Время дождей») // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 2 (23). С. 119–124. EDN: UURKSY
17. Шеянова С. В., Юсупов А. Ф. Антропонимическое пространство современного мордовского романа // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 1. С. 113–122. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-1-113-122>
18. Кудрявцева Т. В. Средства ономапоэтики в создании имагологического портрета России (на материале немецкой поэзии) // Имя в литературном произведении: художественная семантика : сборник статей. М. : ИМЛИ РАН, 2015. С. 327–345.
19. Фомин Э. В., Иванова А. М. Личные имена в контексте чувашской литературы: опыт лингвистического анализа // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2018. № 4 (100). С. 105–110. URL: <https://clck.ru/3Bz3S4> (дата обращения: 02.03.2024).
20. Бельская А. А. Имятворчество А. С. Пушкина и И. С. Тургенева: к вопросу о тезоименных героях писателей // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 139–146. URL: <https://clck.ru/3Bz3hm> (дата обращения: 21.03.2024).
21. Зиннатуллина Г. Х. Роль антропонимов в структуре художественного текста // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. 2014. № 5. С. 247–249. URL: <https://clck.ru/3Bz4C6> (дата обращения: 04.03.2024).

Поступила 09.07.2024; одобрена после рецензирования 09.08.2024; принята к публикации 14.05.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

С. В. Шеянова – доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской филологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6504-3410>, sheyanovas@mail.ru

Н. В. Казаева – кандидат филологических наук, доцент кафедры финно-угорской филологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9206-7223>, nikazaeva@yandex.ru

Anthroponymic Space in the Prose by Tamara Bargova

Svetlana V. Sheyanova

Nina V. Kazaeva

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Introduction. The study of poetic anthroponymy is not an active research strategy in Finno-Ugric studies. Questions regarding the semantic potential of a character's name within the content-meaning structure of the text remain on the periphery of the research interest of national scholars. This article focuses on the anthroponymy in the prose by T. Bargova as the subject of special research. The aim of the study is to determine the functional-semantic features of anthroponyms and naming models in the author's works.

Materials and Methods. The research material was the stories and novel "God, forgive me!" by T. Bargova. The work uses such traditional methods of linguistic research as descriptive, functional-semantic, structural, comparative-historical, as well as such modern approaches to the study of literary text as interpretive and gender ones.

Results and Discussion. The authors determined the models and principles of naming and the structure of anthroponyms in the stories and novel "God, forgive me!" by T. Bargova. It described and revealed the functions of anthroponyms in the content structure of the works, their role in reflecting the realities of modern and historical reality, and the reconstruction of the national model of the world. In the author's works, anthroponyms become multifunctional components, perform text-forming, emotional-stylistic, evaluative, informational, conceptual functions, and convey a national flavor. The choice of the name and form of the anthroponym is determined by the chronotope of the work, the author's axiological concept, the originality of the creative worldview and the specifics of female writing.

Conclusion. The conclusions made by the authors contribute to the development of poetic onomastics in Finno-Ugric linguistics and can be useful in the process of teaching philological disciplines at a university. The prospects for further research of the problem are related to the study of the functional semantics of anthroponyms in the works of other Mordovian writers.

Keywords: literary anthroponymy, anthroponym, naming model, semantics of a character's name, anthroponym function, Tamara Bargova, modern Mordovian prose

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00098 "Mordovian women's literature: specificity of the representation of the gender picture of the world, national and artistic originality", <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Sheyanova S.V., Kazaeva N.V. Anthroponymic Space in the Prose by Tamara Bargova. *Finno-Ugric World*. 2024;16(3):298–309. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.03.298-309>

REFERENCES

1. Sidorovich Z.Z., Bukach A.V. Onomastic Space in Ann Berseneva's Trilogy "The Friends from Malaya Bronnaya". *Vestnik of Polotsk State University. Part A. Humanities*. 2020;(2):96–103. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.psu.by/humanities/article/view/768> (accessed 23.03.2024).
2. Fomin E.V., Ivanova A.M. Personal Names in the Context of Chuvash Literature: Linguistic Analysis. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*. 2018;(4):105–110. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: YTSOSD
3. Gavrilova I.D., Karimullina R.N. Peculiarities of Onym Usage in the Works of the Russian Science Fiction Writers. *Philology. Theory & Practice*. 2019;12(8):125–128. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.22>

4. But-Gusaim S. F. Anthroponymicon of Historical Prose by Belarusian Writers. *Journal of Shadrinsk State Pedagogical University*. 2022;(3):141–146. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3DBAYs> (accessed 02.03.2024).
5. Varlamov A.N. Shamanic Anthroponymicon in the Plots of Evenki Folklore and Historical Documents. *Philology. Theory & Practice*. 2022;15(11):3515–3520. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30853/phil20220595>
6. Kulsarina G.G. Ethnocultural Peculiarities of Anthroponyms in the Bashkir Folklore. *Philology. Theory & Practice*. 2017;(4-1):124–126. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://philology-journal.ru/article/phil20170736/fulltext> (accessed 25.03.2024).
7. Tereshchenko A.V. Structural Types of Folklore and Historic Anthroponyms: Russian Fairy Tales and Archive Data. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2016;(7):101–106. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3ByJFW> (accessed 14.03.2024).
8. Tikhomirova I.V. Functioning of Onomastic Vocabulary in the Folklore Texts (on the Material of the Collection “Tales and Legends of the Northern Territory in the Records I. V. Karnaukhova”). *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*. 2013;(6):237–240. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: SSYJVT
9. Bobunova M.A., Khrolenko A.T. Proper Names in Oral Poetic Tradition in the Light of Folklore Lexicography. *Problems of Onomastics*. 2021;18(1):85–112. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3CVRoH> (accessed 18.03.2024).
10. But-Gusaim S.F., Potapchuk I.V. [Pragmatic Meaning of Personal Proper Names in the Context of Historical Prose by Henry Dalidovich]. *Vestnik Shadrinskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*. 2019;(3):248–255. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3ByrYA> (accessed 18.03.2024).
11. Ishegulova A.M. Onomasticon of Yanybay Khammatov's Fiction. *Vestnik of the Mari State University*. 2023;17(1):55–60. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-1-55-60>
12. Volkova K.R. Anthroponyms in Fiction Texts of N. A. Durova: Ethnolinguistic Aspect. *Izvestija Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*. 2011;(10):63–67. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3Byuyk> (accessed 10.03.2024).
13. Guryanova L.A. [Representation of National Mordovian Colouring of Personal Names in the Works by A. M. Doronin.] *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*; 2012;24(4):171–175. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: PNPADN
14. Demin V.I., Sheyanova S.V. Poetics of a Name in Modern Mordovian Novel. *Finno-Ugric World*. 2014;(2):35–39. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: SZUFBP
15. Djadjun S.D. Anthroponymy of the Khanty Fairy Tales. *Bulletin of Ugric Studies*. 2015;(4):33–38. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3ByxpC> (accessed 12.03.2024).
16. Isakova S.A. [Poetics of the Name in Prose of E. Aipin (on the Material of the Book “Time of Rains”).] *Severo-Vostochnyj Gumanitarnyj Vestnik*. 2018;(2):119–124. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: UURKSY
17. Sheyanova S.V., Yusupov A.F. Anthroponymic Space of a Modern Mordovian novel. *Bulletin of Ugric Studies*. 2022;12(1):113–122. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-1-113-122>
18. Kudryavtseva T.V. [Means of Onomapoetics in Creating an Imagological Portrait of Russia (Based on German Poetry). Name in a Literary Work: Artistic Semantics: Collection of Articles]. Moscow; 2015:327–345. (In Russ.)
19. Fomin E.V., Ivanova A.M. Personal Names in the Context of Chuvash Literature: Linguistic Analysis. *Vestnik Chuvashskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. I. Ja. Jakovleva*. 2018(4):105–110. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3Bz3S4> (accessed 02.03.2024).
20. Belskaya A.A. Namework of Alexander Pushkin and Ivan Turgenev: to the Question of Tezonames Characters of the Writers. *Uchenye Zapiski Orlovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Serija: Gumanitarnye i Social'nye Nauki*. 2011;(1):139–146. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3Bz3hm> (accessed 21.03.2024).
21. Zinnatullina G.Kh. [The Role of Anthroponyms in the Structure of a Literary Text]. *Vestnik Belgorodskogo Gosudarstvennogo Tehnologicheskogo Universiteta im. V. G. Shuhova*. 2014(5):247–249. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3Bz4C6>

Submitted 09.07.2024; revised 09.08.2024; accepted 15.08.2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

S. V. Sheyanova – Dr.Sci. (Philol.), Professor, Department of Finno-Ugric Philology, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6504-3410>, sheyanovas@mail.ru

N. V. Kazaeva – Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Finno-Ugric Philology, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9206-7223>, nikazaeva@yandex.ru